

С.В. Стахорский

Моцарт

Центральный персонаж трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).

Пушкинский Моцарт столь же далек от реального Вольфганга Амадея Моцарта (1756–1791), сколь и весь сюжет трагедии, основанный на легенде (ныне опровергнутой), будто Моцарт был отравлен Антонио Сальери, питавшим к нему жгучую зависть. Известен комментарий Пушкина, касающийся интриги трагедии: «Завистник, который мог освидетельствовать “Дон Жуана”, мог отравить его творца». В этом высказывании ключевым словом является гипотетическое «мог», указывающее на художественный вымысел. Подобное указание содержится в «ошибках» Пушкина относительно моцартовских произведений, упоминаемых в трагедии (например, после слов «слепой скрипач в трактире разыгрывал *voì che sapete*» следует ремарка «старик играет арию из Дон-Жуана»; в действительности это строка арии Керубино из «Свадьбы Фигаро»). Независимо от происхождения подобных ошибок (случайны они или преднамеренны), эффект, создаваемый ими, дезавуирует документальность изображаемого.

Образ Моцарта представлен в трагедии двояко: непосредственно в действии и в монологах Сальери, который только и думает о нем, оставаясь наедине с самим собой, разьедаемый завистью к «гуляке праздному», озаренному бессмертным гением «не в награду» за труды и усердие. Моцарт, каким он явлен в действии, близок словесному портрету, составленному Сальери. Он и гуляка, и «безумец», музыкант, творящий спонтанно, без каких-либо умственных усилий. У Моцарта нет и тени гордости относительно своего гения, нет ощущения собственного избранничества, которое переполняет Сальери («Я избран...»). Патетические слова Сальери: «Ты, Моцарт, бог» — он парирует иронической репликой: «божество мое проголодалось». Моцарт столь щедр к людям, что готов видеть гениев чуть ли не в каждом: и в Сальери, и в Бомарше, а за компанию и в себе самом. Даже нелепый уличный скрипач в глазах Моцарта чудо: ему чудно от этой игры, Сальери — чудно воодушевление Моцарта презренным фиглярством. Щедрость Моцарта сродни его простодушию и детской доверчивости. Детское в пушкинском Моцарте не имеет ничего общего с манерной ребячливостью героя модной в 1980-е пьесы П. Шеффера «Амадей», в которой Моцарт был выведен капризным и вздорным ребенком, досаждающим грубостью и дурными манерами. У Пушкина Моцарт по-детски открыт и безыскусен. Примечательная особенность — у Моцарта отсутствуют реплики-апарте, произносимые «в сторону» и выражающие обычно «задние мысли». Таких мыслей у Моцарта нет в отношении Сальери, и он, разумеется, не подозревает, что поднесенная тем «чаша дружбы» отравлена.

В образе Моцарта нашел выражение пушкинский идеал «прямого поэта», который «сетует душой на пышных играх Мельпомены и улыбается забаве площадной и вольности лубочной сцены». Именно «прямому поэту» в лице Моцарта дарована высшая мудрость, что «...гений и злодейство — две вещи несовместные» — истина, которую так и не понял Сальери.